

Рисунки А. Лаптева

ДЕДУШКА ДУРОВ

Лет шестьдесят тому назад в московской военной гимназии шли экзамены. В актовом зале, за длинным столом, покрытым зелёным сукном, торжественно восседали господа экзаменаторы: его превосходительство директор, его преподобие священник, его сиятельство попечитель, педагоги... На стенах красовались портреты царя и царицы. Вызывали учеников. Шёл экзамен по «Закону Божьему».

Тогда в школах и гимназиях учили будто есть бог и будто этот бог смотрит сверху вниз на землю и следит

за тем, как ведут себя люди: не грешат ли, исполняют ли его законы. И предмет такой называли «Закон Божий». Преподавали его священники. Кто верил в бога, кто — поумнее — не верил, — учить всё равно надо было всем, а то не переведут в следующий класс.

Вызвали очередного гимназиста:

— Дуров Владимир!

— Способный ученик, — сказал директор, — только шалун. По закону божьему идёт слабо.

Все ждали: Дуров Владимир долго не выходил.

Но вот, наконец, открылась дверь. Экзаменаторы увидели болтающиеся в воздухе ноги и где-то внизу, у самого пола, покрасневшее от натуги лицо. Дуров Владимир вошёл в зал на руках и на руках приблизился к экзаменационному столу.

Стало тихо. Педагоги остолбенели. Стоптаные каблуки Дурова Владимира беззаботно покачивались над зелёным сукном. Его преподобие стал багровым от злости. Он припод-

нялся и закричал, указывая на царские портреты:

— При высочайших особах!.. При священнослужителе!.. При директоре!..

Директор заревел:

— Вон! Вон отсюда, паяц!

Дурова вывели из зала. Директор созвал совет, и Володю без лишних слов исключили «за дерзкое поведение во время экзамена закона божьего в присутствии царских портретов».

Директор был недалёк от истины, когда назвал Володю «паяцем». Мальчика всегда тянуло в цирк, или, по-тогдашнему, в балаган. Там, в балаганах, тайком от домашних Володя обучался акробатическому искусству. Там же началась его дружба с животными.

Ещё в детстве Володя возился с голубями, с лошадью, с собачкой Синюшкой. После исключения из гимназии Володя поступил в балаган известного в то время циркача Ринальдо. Там он завёл козла Василия Васильевича, гуся Сократа, собаку Бишку. Он дрессировал их, то есть учил проделывать различные номера на арене.

Владимир Дуров отличался от других дрессировщиков. Обычно дресси-

ровщики, обучая зверей, били их, колотили, и звери показывали фокусы из-под палки. Они боялись хозяина, страшились его кнута. Дуров же стал дрессировать зверей не палкой, а лаской, не побоями, а лакомым кусочком. И что же? Оказалось, что лаской и терпением Дуров добился гораздо большего, чем те дрессировщики, которые били и мучили животных.

Публика полюбила молодого дрессировщика и друга животных Владимира Дурова. Он стал известен не только у нас, но и за границей.

Со своей труппой Владимир Леонидович Дуров исколесил всю Россию, выступая в различных цирках и балаганах, и везде он пользовался большим успехом, особенно у ребят.

Постепенно Дуров приобретал всё новых и новых животных. «Звериная школа» разрасталась. Пришлось в Москве построить специальный дом, где Дуров поселился со своими четвероногими друзьями. Дом этот Владимир Леонидович назвал «уголком Дурова», а улицу, где стоит этот

дом, Моссовет переименовал в улицу Дурова.

В 1934 году Владимир Леонидович Дуров умер, но «уголок» его остался. Он открыт для всех. Кто живёт в Москве, тот может пойти на улицу Дурова и посмотреть в «уголке» зверей. Сейчас с ними занимаются друзья и ученики Владимира Леонидовича.

В книге «Мои звери» Владимир Леонидович Дуров рассказывает ребятам о своих зверях, о своих выступлениях в цирке, о своей работе.

НАША ЖУЧКА

Когда я был маленький, я учился в военной гимназии. Там, кроме всяких наук, учили нас ещё стрелять, маршировать, отдавать честь, брать на караул — всё равно как солдат. У нас была своя собака Жучка. Мы её очень любили, играли с ней и кормили её остатками от казённого обеда.

И вдруг у нашего надзирателя, у «дядьки», появилась своя собака, тоже Жучка. Жизнь нашей Жучки сразу переменялась. Дядька заботился только о своей Жучке, а нашу бил

и мучил. Однажды он плеснул на неё кипятком. Собака с визгом бросилась бежать, а потом мы увидели: у нашей Жучки на боку и на спине облезла шерсть и даже кожа!

Мы страшно разозлились на дядьку. Собрались в укромном уголке коридора и стали придумывать, как отомстить ему.

— Надо его проучить, — говорили ребята.

— Надо вот что... надо убить его Жучку!

— Правильно! Утопить!

— А где утопить? Лучше камнем убить!

— Нет, лучше повесить!

— Правильно! Повесить! Повесить! «Суд» совещался недолго. Приговор был принят единогласно: смертная казнь через повешение.

— Постойте, а кто будет вешать?

Все молчали. Никому не хотелось быть палачом.

— Давайте жребий тянуть! — предложил кто-то.

— Давайте!

В гимназическую фуражку были положены записки. Я почему-то был уверен, что мне достанется пустая, и с лёгким сердцем сунул руку в фуражку. Достал записку, развернул и прочитал: «повесить». Мне стало неприятно. Я позавидовал товарищам, которым достались пустые записки, но всё же пошёл за дядькиной Жучкой.

Собака доверчиво виляла хвостом. Кто-то из наших сказал:

— Ишь гладкая! А у нашей весь бок облезлый.

Я накинул Жучке на шею верёвку и повёл в сарай. Жучка весело бежала, натягивая верёвку и оглядываясь.

В сарае было темно. Дрожащими пальцами я нащупал над головой толстую поперечную балку; потом размахнулся, перекинул верёвку через балку и стал тянуть.

Вдруг я услышал хрипенье. Собака хрипела и дёргалась. Я задрожал, зубы у меня защёлкали, как от холода, руки сразу стали слабые, пальцы разжались... Я выпустил верёвку, и собака тяжело упала на землю.

Я почувствовал страх, жалость и любовь к собаке. Что делать? Она, наверно, задыхается сейчас в предсмертных мучениях! Надо скорее добить её, чтобы не мучилась.

Я нашарил камень и размахнулся. Камень ударился обо что-то мягкое. Я не выдержал, заплакал и бросился вон из сарая. Убитая собака осталась там...

В ту ночь я плохо спал. Всё время мне мерещилась Жучка, всё время в ушах слышалось её предсмертное хрипенье.

Наконец настало утро. Разбитый, с головной болью, я кое-как поднялся, оделся и пошёл на занятия.

И вдруг на плацу, где мы всегда маршировали, я увидел чудо. Что такое? Я остановился и протёр глаза. Собака, убитая мною накануне, стояла, как всегда, около нашего дядьки и помахивала хвостом. Завидев меня, она, как ни в чём не бывало, подбежала и с ласковым повизгиванием стала тереться у ног...

Как же так? Я её вешал, я хотел

её убить, а она не помнит зла и ещё ласкается ко мне. Слёзы выступили у меня на глазах. Я нагнулся к собаке и стал её обнимать и целовать в косматую морду. Я понял: там, в сарае, я угодил камнем в глину, а Жучка осталась жива.

Вот с тех пор я и полюбил животных. А потом, когда вырос, я стал воспитывать зверей и учить их, то есть дрессировать. Только я их учил не палкой, а лаской, и они меня тоже любили и слушались.

